ВОЛКОВА ВЕРОНИКА ВЯЧЕСЛАВНА
кандидат психологических наук, доцент кафедры конфликтологии и прикладной девиантологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, bercut_team@mail.ru

VOLKOVA VERONIKA
Ph.D (psychology), associate professor, department of psychology of deviant behavior and applied conflictology, Saint-Petersburg state institute of psychology and social work

УДК 159.9.072

СЕМЕЙНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

FAMILY DETERMINANTS OF VICTIM BEHAVIOR

Аннотация. Статья содержит анализ виктимогенных факторов, оказывающих влияние на развитие индивидуальной виктимности в условиях семьи. Рассматриваются факторы, связанные с нарушениями эмоционально-психологического статуса родителя, с объективным социально-экономическим статусом семьи, с нормами и стилем семейного воспитания. Описывается роль дисфункциональных семейных структур в формировании виктимности.

Absrtact. The paper analyzes victimogenic factors influencing the individual victim behaviour development in the conditions of family structures. The author studies factors connected with changes of a parent emotional and psychological status, with a family objective social and economic status and with a family education norms and style. The role of dysfunctional family structures in the formation of victim behavior is also considered.

Ключевые слова: жертва виктимизация виктимное поведение дисфункциональные семейные структуры.

Keywords: victim, victimization, victim behavior, dysfunctional family structures.

Согласно статистическим данным, сегодня в России около 5 млн беспризорных детей, 30–40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье, более 50 тысяч девочек ежегодно попадают в сексуальное рабство. Происходит криминализация семьи, складывается особый образ жизни, при котором насилие, алкоголизм, наркомания становятся нормой поведения, передающейся от одного поколения к другому. Насилие в семье становится трагедией для многих людей, разрушает фундамент безопасности общества, сопровождая процесс социализации, становится фактором, детерминирующим развитие социально-психологической деформации личности по виктимному типу.

Очевидная сложность определения понятия «виктимность» обусловлена, прежде всего, его междисциплинарным характером. В научный оборот термин «виктимность» был впервые введен Л. В. Франком, который вкладывал в него двоякий смысл: как определенное явление и образ действия определенного лица.

Таким образом, виктимность как отклонение от норм безопасного поведения определяется комплексом личностных черт, характеризующих потенциальную или актуальную способность лица становиться жертвой внешних обстоятельств и активности социального окружения (преступления, несчастного случая, деструктивного культа и т. д.). Она может быть реализована в преступном акте или оставаться в потенции.

Исходя из сказанного выше, можно дать следующее определение *виктимного поведения* — это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от основных норм и правил безопасного поведения, заключающееся в склонности быть жертвой внешних обстоятельств и активности социального окружения, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией.

Дезадаптивное поведение, являясь предпосылкой и следствием виктимности, также может стать и условием будущей криминальной активности индивида. Приобретаемый опыт жертвы в социальных конфликтах ведет не только к рецидиву виктимности, но и к последующему преступному поведению. Исследования показали, что доля преступлений, в которых личностная виктимность была главной (а иногда и единственной) причиной, оказалась весьма большой. В дальнейшем глубокая деформация личности по виктимному типу может привести к крайней степени социальной дезадаптации — полной ее изоляции.

Обращают на себя внимание особенности восприятия жертв домашнего насилия массовым сознанием. Наибольшее сочувствие вызывают самые беспомощные жертвы — дети и престарелые. Женщину же часто считают виновной в возникновении конфликта и «провокации» насилия. Жертвы,

оказывающие сопротивление, чаще одобряются обществом, нежели те, кто подчиняется насилию или проявляет пассивность (хотя известно, что сопротивление иногда может привести к наиболее тяжким последствиям). В обыденном сознании, как и в официальных документах, утвердилась упрощенная точка зрения, согласно которой насилие в семье считается «внутрисемейной» проблемой.

Терпимое отношение к насилию и жестокому обращению, по мнению специалистов, является отличительной особенностью российского менталитета. К. А. Абульханова, рассматривая исторические и современные особенности российского менталитета, отмечает, что именно христианское принятие страдания, терпение являются ключевыми для характера русского народа. Жертвенность признается одной из ведущих социальных установок в обществе. В силу этого существует известное сопротивление признанию проблемы насилия над детьми как на уровне широких социальных установок, так и на уровне родительских установок в большинстве семей, что приводит к тяжелым последствиям.

Ребенок, явившийся жертвой жестокого обращения, не усваивает норм социально-положительных отношений в общении с людьми, не может в дальнейшем должным образом приспособиться к жизни, создать семью, легко решается на применение насилия к другим людям и будущим собственным детям, доведенный до крайней степени унижения превращается в жертву. Основным механизмом как насильственного поведения, так и поведения жертвы выступает механизм подражания: чем младше ребенок, тем легче он усваивает паттерны жертвенного и/или насильственного поведения.

Очевидно, что индивидуальная виктимность, или «комплекс жертвы», всегда реализуется в соответствующей ситуации. Такие ситуации предъявляют к людям требования, которые превышают их адаптивный потенциал. Это жизненные трудности, критические ситуации, негативные жизненные события, стрессовые жизненные события, травматические события, нежелательные события, жизненные кризисы, экономическая депривация, бедствия, катастрофы. Каждая из этих ситуаций таит в себе либо вызов, либо угрозу жизнедеятельности человека, а то и вызывает невосполнимые потери.

Основными факторами виктимизации детей в рамках семейной структуры можно считать:

1. Факторы, связанные с нарушениями эмоционально-психологического статуса родителя:

• гиперопека матери, основанная на тревожности и чувстве одиночества, ведущая к формированию у ребенка неуверенности в своих силах, тревожности, неадекватной оценки происходящего;

• нервные срывы в виде крика, физического наказания, жестокого обращения, бесчисленных замечаний и критики, компенсирующих нервное напряжение родителей, их неудовлетворенность собственной жизнью;

• психопатология родителей, приводящая к искажению межличностных интеракций, жестокому психологическому, а зачастую — и физическому обращению с детьми;

• эмоциональные нарушения организации семьи: аффективность, приводящая к хаотичности жизни в доме и чрезвычайному чувству вины; тревожность в отношениях, привязывающая детей; недостаточная эмоциональная отзывчивость, создающая у ребенка психологическую депривацию;

• определенные личностные особенности матерей (депрессия, низкая самооценка, жертвенность, нарциссизм, импульсивность, нестабильность идентификации), которые через механизм идентификации приводят к формированию характерного стиля личностного реагирования ребенка.

2. Факторы, связанные с объективным социально-экономическим статусом семьи:

• низкий социально-экономический статус, жизненная неустроенность, экономическая нестабильность, которые приводят к виктимизации в семье, а в подростковом возрасте к дополнительной виктимизации в рамках подростковой субкультуры;

• неполная семья, отсутствие необходимой социальной поддержки, приводящее к невротизации и социальной изоляции матери, проецирующей свои чувства на детей в виде жестокого обращения или глубокого чувства вины;

• чрезвычайно молодой возраст родителей, сопровождающийся финансовой неустроенностью, низким уровнем образования и неадекватными знаниями о ребенке, что приводит к игнорированию потребностей ребенка, его отчуждению, эмоциональной депривации и виктимизации.

3. Факторы, связанные с нормами и стилем семейного воспитания:

• особенности стиля семейного воспитания, формирующие виктимную личность;

• расхождение норм и ценностей семьи, абстрактность понятия морали;

• конфликты в семье, в том числе и супружеские сложности, увеличивающие риск инцестуальных отношений;

• алкоголизация одного или обоих родителей, приводящая к формированию со-зависимых отношений, к заброшенности детей, подверженности брутальным отношениям. Кроме того, выявлена зависимость между физическим насилием, инцестом и алкоголизацией семьи.

В отечественной литературе предложена широкая классификация стилей семейного воспитания подростков с акцентуациями характера и психопатиями, предложенная авторами А. Е. Личко и Э. Г. Эйдемиллер, где также указывается, какой тип родительского отношения способствует возникновению той или иной аномалии развития, в том числе и виктимности.

1. Гипопротекция: недостаток опеки и контроля над поведением, доходящий иногда до полной безнадзорности; чаще проявляется как недостаток внимания к физическому и духовному благополучию подростка, делам, интересам, тревогам. Скрытая гипопротекция наблюдается при формально-присутствующем контроле, реальном недостатке тепла и заботы, невключенности в жизнь ребенка. Этот тип воспитания особенно неблагоприятен для подростков с акцентуациями по неустойчивому и конформному типам, провоцируя асоциальное

поведение: побеги из дома, бродяжничество, праздный образ жизни.

2. Доминирующая гиперпротекция: обостренное внимание и забота о подростке сочетается с мелочным контролем, обилием ограничений и запретов, что усиливает несамостоятельность, безынициативность, нерешительность, неумение постоять за себя. У гипертимных подростков такое отношение родителей приводит к усилению реакции эмансипации, к бунту против родительских запретов и даже к уходу в асоциальную компанию, но на подростков с психастенической, сенситивной и астеноневротической акцентуацией доминирующая гиперпротекция оказывает иное действие — усиливает их астенические черты: несамостоятельность, неуверенность в себе, нерешительность, неумение постоять за себя.

3. Потворствующая гиперпротекция: воспитание по типу «кумир семьи», потакание всем желаниям ребенка, чрезмерное покровительство и обожание, отсюда — непомерно высокий уровень притязаний подростка, безудержное стремление к лидерству и превосходству, сочетающееся с недостаточным упорством и опорой на собственные ресурсы. Такой стиль воспитания усиливает истероидную акцентуацию, способствует появлению истероидных черт при лабильной и гипертимной, реже — при шизоидной и эпилептоидной акцентуации. В последнем случае такой вид воспитания превращает подростков в семейных тиранов, способных избивать родителей.

4. Эмоциональное отвержение: игнорирование потребностей подростка, нередко жестокое обращение. Скрываемое эмоциональное отвержение проявляется в глобальном недовольстве ребенком, постоянном ощущении родителей, что он не «тот», не «такой». Иногда оно маскируется преувеличенной заботой и вниманием, но выдает себя раздражением, недостатком искренности в общении, бессознательным стремлением избежать тесных контактов. Эмоциональное отвержение одинаково пагубно для всех детей, однако оно по-разному сказывается на их развитии: так, при гипертимной и эпилептоидной акцентуациях ярче выступают реакции протеста и эмансипации, истероиды утрируют детские реакции оппозиции, шизоиды замыкаются в себе, уходят в мир аутичных грез, неустойчивые находят отдушину в подростковых компаниях.

5. Повышенная моральная ответственность: не соответствующие возрасту и реальным возможностям ребенка требования бескомпромиссной честности, чувства долга, порядочности, возложение на подростка ответственности за жизнь и благополучие близких, настойчивые ожидания больших успехов в жизни — все это естественно сочетается с игнорированием реальных потребностей ребенка, его собственных интересов, недостаточным вниманием к его психофизическим особенностям. В условиях такого воспитания подростку насильственно приписывается статус «главы семьи» со всеми вытекающими отсюда требованиями. Подростки с психастенической и сенситивной акцентуациями, как правило, не выдерживают бремени непосильной ответственности, что приводит к образованию затяжных обсессивно-фобических невротических реакций или декомпенсации по психастеническому типу. У подростков с истероидной акцентуацией объект опеки вскоре начинает вызывать ненависть и агрессию, например у старшего ребенка — младший.

6. Непрогнозируемые эмоциональные реакции: речь идет о родителях, склонных к неожиданным изменениям настроения и отношения к детям. Изменение отношения обусловлено внутренним состоянием родителей, особенностями их личности. Невозможность прогнозировать такие изменения имеет отрицательное влияние на детей, которые не знают, чего следует ожидать от родителей утром, после прихода из школы, прогулки. За одно и то же ребенок может быть и наказанным, и обласканным. Дети чувствуют себя неуверенно, они не ощущают родительской любви. Постепенно неуверенность в себе становится чертой характера и в дальнейшем проецируется на отношения с другими людьми, которые воспринимаются на основе привычной родительской модели. В результате появляются конфликтные межличностные отношения, неверие в стабильность дружбы, брака.

7. Условия жестоких взаимоотношений: обычно сочетаются с эмоциональным отвержением. Жестокое отношение может проявляться как открыто — расправами над ребенком, так и полным пренебрежением интересами ребенка, когда он вынужден рассчитывать только на себя, не надеясь на поддержку взрослых. Жестокие отношения могут существовать в закрытых учебных заведениях (тирания вожаков). Воспитание в условиях жестоких взаимоотношений способствует усилению черт эпилептоидной акцентуации и развитию этих же черт на основе конформной акцентуации.

8. Противоречивое воспитание: в одной семье каждый из родителей, а тем более бабушки и дедушки могут придерживаться неодинаковых воспитательных стилей. Например, может быть эмоциональное отвержение со стороны родителей и потворствующая гиперпротекция со стороны бабушки [2; 5].

Таким образом, специфика взаимоотношений в семье, ее структура, особенности членов этой семьи, интеракций влияют на формирование личности ребенка, самооценки и оценки себя как жертвы, уровня виктимности, способов поведения.

Дж. Вайсе (J. Waise) перечисляет некоторые обстоятельства, которые могут вызвать в ребенке сильную невротизацию характера, приводящую к повышенной виктимности. Этот список был несколько расширен Е. В. Емельяновой:

• Если родители отвергают ребенка, тот делает вывод, что заслуживает отвержения; его самооценка падает, и он утверждается во мнении, что никто не может любить его — не только родители, но и другие.

• Если родители предстают в восприятии ребенка подавленными или неприспособленными к жизни, он может взять на себя ответственность за них и прикладывать усилия, чтобы сделать их счастливыми. Если это не удается, то ребенок

может начать считать себя неудачником или источником их страданий.

• Если родители не заботятся о ребенке, но требуют, чтобы он выказывал им свое уважение, проявлял заботу, он может сделать вывод, что его удел — много давать, но мало получать. Он может принять это как неприятную особенность жизни, или противиться этому, болезненно воспринимая любую просьбу, необходимость любой заботы о другом.

• Если родители постоянно ругают ребенка за различные свойства его характера, он может на сознательном уровне отвергать эту критику, но бессознательно соглашаться с ней. Это приводит его к бессознательному представлению о себе как о дурном человеке.

• Если один из родителей страдает алкогольной зависимостью, то ребенок может чувствовать беспокойство о нем, с одной стороны, но с другой — отвержение со стороны пьющего родителя. Следствием такой двойной травмы может быть чувство стыда за себя и за своих родителей.

• Если в семье отрицается существование некоторых актуальных проблем, то у ребенка может развиться недоверие к собственным чувствам и сложиться представление, что он не способен адекватно воспринимать окружающую действительность.

• Если ребенок считает своих родителей непостоянными, например, когда внезапные вспышки ярости сменяются необъяснимыми приступами нежности, у него может сложиться представление, что он все время в опасности. В этом случае он станет сверхбдительным.

• Если родители ребенка не защищают его и не помогают справиться с негативными проявлениями внешнего мира, он может прийти к убеждению, что не заслуживает защиты. Такой ребенок может стать замкнутым, тревожным или склонным к панике.

• Если ребенок терпит сексуальное насилие со стороны родителей, он обвиняет в этом себя и испытывает в связи с этим стыд за свою «грязность».

• Если родители отвергают факты жестокого обращения со своим ребенком, он может сделать вывод, что не должен это помнить. Это может нанести удар по его чувству реальности. Или он должен одновременно не помнить об этом, и в то же время помнить, чтобы постараться не спровоцировать такое обращение вновь, поскольку считает его виновником самого себя. В таком случае может произойти расщепление на несколько личностей.

• Если ребенку кажется, что родители стыдятся его, то он тоже будет испытывать стыд за себя, поверив в свою неполноценность.

• Если один из родителей ушел из семьи, ребенок может думать, что это произошло из-за него, и будет считать, что от него всегда должны уходить любимые люди.

• Если ребенок растет в несчастливой семье, то, даже став самостоятельным и покинув дом, он поддерживает уровень несчастья, соответствующий тому, к которому он привык в детстве.

• Если в семье ребенка никто не умеет получать удовольствие от жизни, он будет считать, что он тоже не должен получать удовольствие, или он может испытывать депрессию, соматическое расстройство каждый раз, когда позволит себе получить удовольствие или радоваться жизни [1].

Одним из ведущих виктимогенных факторов является дисфункциональность родительской семьи. И. Г. Малкина-Пых выделяет следующие виды дисфункциональных семейных структур:

• несбалансированные семейные структуры;

• структуры, несущие в себе аутсайдеров, то есть людей с низким социометрическим статусом;

• структура, стабилизирующаяся на основе дисфункции одного из ее членов;

• коалиции через поколения, которые помогают членам семьи, чувствующим слабость, справиться с теми, кто кажется им сильнее, а также позволяют ее членам совладать с низким самоуважением, уменьшить тревогу и контролировать третью сторону;

• скрытая коалиция, когда ее наличие не признается членами семьи. Обычно она возникает на основе совместного секрета через идентификацию двух членов семьи и часто выражается в подкреплении симптоматического поведения;

• перевернутая иерархия, когда по каким-либо причинам статус ребенка в семье выше, чем статус одного или обоих родителей [3].

Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд (B. Weinhold, J. Weinhold) выделяют следующие признаки дисфункциональной семьи: отрицание проблем и поддержание иллюзий; вакуум интимности; замороженность правил и ролей; конфликтность во взаимоотношениях; недифференцированное Я у каждого члена («Если мама сердится, то сердятся все»); границы личности либо смешаны, либо наглухо разделены невидимой стеной; все скрывают секрет семьи и поддерживают фасад ложного благополучия; склонность к полярности чувств и суждений; закрытость системы; абсолютизирование воли, контроля [4].

Существует много факторов, которые действуют в дисфункциональных семьях. Они ведут к подавлению истинного Я и развитию виктимного Я. Это:

• жесткие и принудительные правила;

• стремящиеся к совершенству, наказывающие родители;

• жесткие и принудительные роли;

• масса семейных секретов;

• зависимость от алкоголя, наркотиков, пищи, работы, секса, другого человека;

• атмосфера тяжести;

• никакого уединения или личных границ;

• один или оба родителя хронически больны умственно или физически;

• родители с созависимыми взаимоотношениями;

• физическое, сексуальное или эмоциональное злоупотребление ребенком со стороны взрослого или взрослых;

• родители, которые исподволь внушают ложное чувство лояльности по отношению к семье;

• никому не разрешается говорить посторонним что-либо о семье;

• детям не разрешается проявлять сильные чувства;

• конфликты между членами семьи игнорируются или отрицаются;

• отсутствие единства в семье, объединение в коалиции, чтобы защититься и манипулировать другими членами семьи.

Таким образом, в семье при нарушении внутрисемейных отношений создается неблагоприятный фон для эмоционального развития ребенка, и это, в конечном итоге, может стать источником формирования генерализованной неудовлетворенности, то есть семья является одним из главных факторов формирования психологии жертвы.

Если во взаимоотношениях имеет место любая форма насилия, симптомы виктимности более выражены. В случае физического насилия эти симптомы выражены очень сильно. Люди, вовлеченные во взаимоотношения с элементами насилия, часто являются жертвами в течение продолжительного времени. Они годами страдают от презрения, бедности, унижения, кровосмешения или изнасилований, потому что боятся, что их бросят, или опасаются за свою жизнь. В таких случаях жертвы пытаются оградить себя от осознания боли и страданий с помощью отрицания. Исследователи Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд (B. Weinhold, J. Weinhold) обозначают форму воспитания ребенка, поддерживающую в семьях механизм отрицания, термином «порочный цикл жестокости». Это явление служит примером того, как опустошающее влияние жестокости передается из поколения в поколение. Дети, которых запугивали и с которыми жестоко обращались, почти всегда, вырастая, запугивают других людей и применяют насилие по отношению к ним. Перенесение жестокости на кого-либо другого является попыткой ослабить чувства гнева и ярости, которые не нашли выхода в то время, когда к детям применяли грубость. Многие специалисты, говоря об опасности насилия в семье, подчеркивают феномен «вторичной активизации», который заключается в переживании свидетелями насилия тех же психологических последствий, что испытывает жертва. Если жертва насилия расскажет о семейных секретах, ей нередко грозит усиление репрессивных мер или еще большее насилие. От 60 до 70% женщин были убиты после того, как они разорвали отношения с насильниками.

По результатам исследований Ц. П. Короленко, в виктимогенной семье часто формируется особый механизм социализации — «со-зависимость» родственников. Так, например, в семьях с низким социальным статусом, различными формами насилия, алкогольной зависимостью родителей, у детей формируются специфические девиантные паттерны поведения, которые воспроизводятся в системе последующих отношений личности. Детям, вовлеченным в «со-зависимые» отношения, очень трудно вырваться из привычного круга представлений, стереотипов поведения и аддиктивных ценностей семьи.

В заключение необходимо отметить, что степень интериоризации виктимогенных норм и правил человеческой активности может быть различной и зависит как от личностных качеств субъекта, так и от всего состояния ценностно-нормативной структуры общества и его отдельных социальных групп, являющихся референтными для конкретного индивида. Сформировавшись и закрепившись, данные внутренние изменения (черты личности, характерологические особенности, привычки) становятся условием развития новых виктимогенных факторов.

1. *Емельянова Е. В.* Кризис в созависимых отношениях. — СПб.: Речь, 2010. — 368 с.
2. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера. — СПб.: Речь, 2010. — 256 с.
3. *Малкина-Пых И. Г.* Психология поведения жертвы. — М., 2010. — 864 с.
4. *Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж.* Освобождение от созависимости. — М.: НФ «Класс», 2011. — 224 с.
5. *Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. — СПб., 2009. — 672 с.